

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№83

26 июня 2018 г.

**О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката Д.
по жалобам адвокатов Т. и А.**

Совет Адвокатской палаты г. Москвы в составе Полякова И.А., Резника Г.М., Клювганта В.В., Кипниса Н.М., Бардина Л.Н., Глашева А.А., Зубкова С.Б., Канишевской Н.В., Львовой Е.Ю., Меклера В.А., Соловьева С.А., Тая Ю.В., Флейшмана И.Е, рассмотрев с участием заявителя адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), представителей заявителя адвоката Т. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов Московской области) – адвоката С. (удостоверение № ... от 29 мая 2015 года, регистрационный номер ... в реестре адвокатов Московской области, доверенность № ..., выдана Т.. 15 мая 2018 года сроком на один год, на право представления его интересов в Адвокатской палате города Москвы, удостоверена нотариусом города Москвы Ч., зарегистрирована в реестре № ...), представителей адвоката Д. - адвоката Б. (доверенность № ..., выдана Д. 06 марта 2018 года сроком на три года, на право представления его интересов в Адвокатской палате города Москвы, удостоверена нотариусом города Москвы У., зарегистрирована в реестре № ...), адвоката Ду. (удостоверение №... от 27 марта 2014 года регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, доверенность № ..., выдана Д. 25 июня 2018 года сроком на три года, на право представления его интересов в Адвокатской палате города Москвы, удостоверена нотариусом города Москвы У., зарегистрирована в реестре № ...), рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам: адвокатов Т. и А. от 17 января 2018 года (вх. № ... от 18.01.2018); адвоката Т. от 05 февраля 2018 года (вх. № ... от 05.02.2018); адвокатов Т. и А. от 12 апреля 2018 года (вх. № ... от 12.04.2018) в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23.05.2018, адвокатом Д. нарушены:

- п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), что выразилось в употреблении им 23 ноября 2017 года в ходе дачи интервью, опубликованном впоследствии на личной странице адвоката Д. в социальной сети «Фейсбук» выражения, имеющего схожее лексическое значение со словом-жаргонизмом, а именно: «...*«профекаливают» абсолютно всё, за что берутся...*»;

- п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения», «адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката»), что выразилось в употреблении им в интервью в программе «...», вышедшей в эфир на телеканале «НТВ» ... января 2018 года, выражения, в котором происходит уничижительное сравнение поведения адвоката Т. с поведением животных, а именно: «...*К нему, на мой взгляд, пришел господин Т., которому нейметя после его последних нападок на господина К., и сказал, «Ну, давай еще потявкаем»;*

- п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения», «адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката»), что выразилось в употреблении им в интервью в выпуске новостей на телеканале «НТВ», вышедшем в эфир ... апреля 2018 года и размещенном в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для характеристики личности адвоката Т. выражений, обращенных к интимной сфере взаимоотношений, включающих вульгарные сравнения с физиологическими процессами, происходящими в человеческом организме, а именно: о наличии у адвоката Т. «...*эрекции на мою машину*», гомосексуальных наклонностей («...*что в меня влюбился и почему в меня влюбился, собственно, однополая любовь, господин Т.*»), а также сравнение адвоката Т. с одним из главных героев (женщиной) эротического фильма «Пятьдесят оттенков серого», в котором раскрываются гетеросексуальные садомазохистские взаимоотношения между половыми партнерами.

В соответствии с этим же Заключением, в оставшейся части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель адвокат А. в заседание Совета явилась, с Заключением Комиссии в целом согласилась. Обратила внимание на то, что других юристов, кроме адвоката Т. и её, у «французской стороны» не было, поэтому неуважительные и вульгарные высказывания адвоката Д. о «юристах французской стороны» они имеют все основания воспринимать непосредственно в свой адрес. Кроме того, обратила внимание на то, что ни она, ни адвокат Т. никогда не позволяли себе вульгарных, оскорбительных, уничижительных высказываний по отношению к адвокату Д., придерживались делового стиля общения и ничем не спровоцировали его недопустимые высказывания в их адрес. Считает, что адвокат вправе публично высказывать личное мнение, в том числе и о противоправности (преступности) действий своих оппонентов и иных лиц, но любые высказывания должны делаться в корректной форме и в качестве личных оценок, а не утверждений. Вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката Д. оставила на усмотрение Совета.

Заявитель адвокат Т., извещённый надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явился, направил представителя.

Представитель заявителя адвоката Т. - адвокат С. в заседание Совета явился, с Заключением Комиссии согласился частично. Не согласен с выводом Комиссии о том, что высказанное адвокатом Д. в адрес его доверителя и представляемых им лиц обвинение в вымогательстве не являлось обвинением в совершении преступных действий. Считает такие публичные обвинения недопустимыми с точки зрения адвокатской этики, однако затруднился указать конкретную норму Кодекса профессиональной этики адвоката или иного нормативного акта, подтверждающую эту позицию. Решение вопроса о мере дисциплинарной ответственности адвоката Д. оставил на усмотрение Совета.

Адвокат Д., извещённый надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явился, направил представителей. Кроме того, направил в адрес Совета письменное обращение, в котором выразил сожаление о том, что его высказывания восприняты как неуважительные, в то время как он такой цели не преследовал, действовал исключительно в целях защиты интересов своего доверителя К.

Представитель адвоката Д. - адвокат Б. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласился частично. Не согласен с той его частью, в которой усмотрены дисциплинарные нарушения в высказываниях адвоката Д., поскольку эти высказывания, по мнению адвоката Б., не были ни неуважительными, ни уничижительными, ни вульгарными, а были ироничными и иносказательными, наподобие употребляемых в баснях, а также представляли собой «интеллектуальную издёвку». Считает слово «профекаливают» приемлемым для делового общения адвоката, выражение «потявкаем» - не содержащим намёка на действия животного (собаки), а

высказывание относительно сексуальных особенностей поведения адвоката Т. – не содержащим вульгарных и непристойных намёков и характеристик. Кроме того, считает, что предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката шестимесячный срок применения мер дисциплинарной ответственности должен исчисляться с момента обнаружения проступка «обиженной» стороной, в связи с чем полагает его истекшим в отношении высказывания «профекаливают». Считает также, что поскольку в жалобе заявителей было указано слово «повякаем», а в результате дисциплинарного производства установлено, что в действительности было произнесено не это слово, а слово «потявкаем», то в этой части отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства. Наконец, считает, что все три высказывания адвоката Д., в которых Комиссией усмотрены дисциплинарные нарушения, являются малозначительными проступками, в связи с чем просит прекратить дисциплинарное производство по этому основанию.

Представитель адвоката Д. - адвокат Ду., дополняя в заседании Совета доводы адвоката Б., обратила внимание Совета на то, что публичная пикировка между адвокатом Д., с одной стороны, и адвокатами Т. и А., с другой стороны, ведётся с 2016 года в одном и том же словесном жанре, при этом адвокат Д. никого не хотел обидеть.

Совет счёл возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся адвокатов Д. и Т., поскольку ими ранее давались объяснения, в заседании Совета участвуют их представители, а неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства, в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, не препятствует разбирательству и принятию решения.

Выслушав участников дисциплинарного производства, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного дела, Совет приходит к следующим выводам.

Прежде всего, Совет отмечает, что принадлежность адвокату Д. всех рассматриваемых в настоящем дисциплинарном производстве слов и выражений ни им, ни кем-либо из иных участников дисциплинарного производства не оспаривается. Равным образом, никем не оспаривается то обстоятельство, что все рассматриваемые слова и выражения произнесены адвокатом Д. в связи с осуществлением им профессиональной деятельности, при этом его принадлежность к адвокатскому сообществу очевидна и сомнений не вызывает. Указанные обстоятельства признаются Советом достоверно установленными.

Совет солидарен с Комиссией в оценке значимости для разрешения настоящего дисциплинарного дела представленных участниками дисциплинарного производства с обеих сторон и содержащихся в его материалах заключений специалистов (экспертов) в области лингвистики

(научно-консультативное лингвистическое заключение, заключения по результатам внесудебной комиссионной лингвистической экспертизы и др.), в которых привлечённые сторонами специалисты на основе анализа толковых словарей русского языка высказывают свои мнения о содержании и значении отдельных слов и выражений, а также дают оценку «интенций» адвоката Д. при их произнесении.

В настоящем дисциплинарном производстве подлежат оценке слова и выражения адвоката Д. на предмет умаления ими чести, достоинства и деловой репутации другого адвоката либо авторитета адвокатуры, соответствия публичного вербального поведения адвоката Д. деловому стилю общения и требованию взаимного уважения адвокатов, соблюдения их профессиональных прав. При этом очевидно, что несоблюдение требований профессиональной этики адвоката в публичном поведении адвоката, составляющее суть дисциплинарных обвинений по настоящему дисциплинарному производству и, следовательно, его предмет, должно быть явным и очевидным, в том числе и для лиц, не обладающих специальными познаниями в области лингвистики. Поэтому мнение специалистов в области лингвистики не может являться основанием для выводов органов адвокатского самоуправления о соблюдении/несоблюдении положений Кодекса профессиональной этики адвоката в указанной выше части.

Кроме того, подлежащие оценке слова и выражения адвоката Д. изложены им современным русским разговорным языком, не содержат каких-либо языковых либо семантических сложностей и неясностей, в связи с чем для уяснения их смысла и для оценки также отсутствует необходимость обращения к лицам, обладающим специальными познаниями в области лингвистики. Учитывая указанные выше обстоятельства, Совет разделяет позицию Квалификационной комиссии о достаточности самостоятельного анализа словесно-смысловых конструкций, без учёта и оценки мнений специалистов в области лингвистики, представленных участниками дисциплинарного производства.

Совет обращает внимание, что никто из участников дисциплинарного производства, явившихся в заседание Совета, не выразил несогласия с таким подходом в ответ на прямо поставленный перед ними вопрос.

Переходя к оценке конкретных слов и выражений адвоката Д., являющихся предметом настоящего дисциплинарного производства, Совет, как уже неоднократно делал по другим дисциплинарным делам, обращает внимание на следующее.

Правила и требования профессиональной этики, регулирующие взаимоотношения между адвокатами, а также возлагающие на адвоката обязанности при всех обстоятельствах сохранять достоинство и не допускать никаких действий, направленных к подрыву доверия и умалению авторитета адвокатуры, включая правила, относящиеся к публичному поведению адвокатов, являются основополагающими правилами профессионального поведения, отражающими саму суть

адвокатской профессии, устоев и традиций адвокатуры.

К числу этих требований и правил, в частности, относятся следующие требования Кодекса профессиональной этики адвоката:

- «Адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав» (п. 1 ст. 15);

- «Адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры» (подп. 1 п. 2 ст. 15);

- «Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4);

- «Адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению (п. 2 ст. 8),

а также положения Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных 28 сентября 2016 г. Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Протокол № 7), в частности, следующие:

- «Принадлежность к адвокатскому сообществу как к институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым, так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета» (п. 1.2.);

- «Вступая в адвокатское сообщество и принося присягу, адвокат добровольно принимает установленные правила поведения, вытекающие из характера и особенностей избранной им профессии. Поведение адвоката в сети «Интернет», как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения» (п. 1.3.);

- «При комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства и прав третьих лиц, а также отвечали требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности, установленным действующим законодательством, Кодексом профессиональной этики адвоката и настоящими правилами» (подп. 2.2.3.);

- «Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости» (подп.

2.3.1.);

- «Адвокат обязан вести себя уважительно и не допускать оскорбительного поведения» (подп. 2.3.2.).

Данные требования и правила являются универсальными и императивными, адвокат не вправе отступать от них как по собственной инициативе, так и в ответ на подобные действия других адвокатов или иных лиц, а также по любым иным причинам.

Таким образом, требование к адвокату сохранять честь и достоинство, присущее профессии, уважать права, честь и достоинство других лиц не ограничивает адвоката в реализации его права иметь и выражать свое мнение по профессиональным вопросам. Однако форма выражения мнения или дачи оценки должна быть корректной, не содержащей оскорблений или выражений, умаляющих честь и достоинство как самого адвоката, так и других лиц, в том числе, коллег.

Оценивая с учётом вышеуказанных требований допустимость применения адвокатом Д. слов «афера», «аферисты», «сумасшедшие», Совет, как и Комиссия, исходит из следующего. Общеупотребительное (разговорное) значение слова «афера» и производного от него слова «аферист» определяется как «сомнительное, неблагоприятное предприятие, преследующее цели личной наживы» («пуститься на аферы или в аферы. Выгодная афера») (*Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. Издательство «Альта-Принт». 2009). Как правило, рассматриваемое слово используется в неодобрительном контексте и означает «рискованное, сомнительное и неблагоприятное дело, предприятие с целью личной наживы» (См., например, Национальный корпус русского языка // <<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>>).

Оценивая использование этого слова в выражениях адвоката Д., приведённых в жалобах заявителей, Совет учитывает, что адвокат Д. использовал его в интервью, предназначенном неопределённо широкой аудитории. Использование адвокатом общеупотребительных слов, не относящиеся к обценной лексике и не выраженных в неприличной, неуважительной (уничижительной) форме, при высказывании своего мнения, в том числе, при оценке правовой ситуации, является допустимым и не противоречит требованиям профессиональной этики. В профессиональной деятельности адвоката могут иметь место ситуации, требующие доведения до широкой общественности своего мнения и оценки правовой ситуации в словах и выражениях, доступных для понимания большинства зрителей (слушателей, читателей), не имеющих юридического образования. При этом адвокат как независимый советник по правовым вопросам вправе давать различные оценки правовой ситуации в одобрительном или неодобрительном контексте. В связи с этим Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что адвокат Д. не допустил нарушений норм профессиональной этики адвоката, давая оценку правовой ситуации с использованием в неодобрительном контексте общеупотребительного слово «афера» и

производных от него слов «аферист», «аферисты» и т.п., без однозначной привязки их к каким-либо конкретным лицам («...*может быть... аферисты скажут...*»).

Слово «сумасшедший» в русском языке имеет несколько значений. Так, помимо используемого заявителями жалобы значения: «человек, страдающий психическим расстройством», которое является разговорным и не является специальным медицинским термином, существуют и другие разговорные значения этого слова: «сумасшедший – крайне безрассудный, безумный» (например, «сумасшедшие планы», «сумасшедшие идеи» или «сумасшедший – крайний, исключительный (по величине, степени), «сумасшедшая скорость», «сумасшедшие деньги» (очень большие)) (Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ». 1992).

Как установлено материалами дисциплинарного производства, адвокат Д. употребил слово «сумасшедший» в контексте своей оценки лиц, предъявивших требования к его доверителю – К. При этом такая оценка последовала после вынесения судом решения об отказе в удовлетворении их иска в полном объеме. Такой контекст употребления рассматриваемого слова свидетельствует о том, что оно использовано адвокатом Д. для характеристики лиц, предъявивших претензии к его доверителю, как крайне безрассудных, по всей видимости, в связи с их явно необоснованными требованиями, признанными таковыми судом. Использование указанного слова в обозначенном контексте является допустимым риторическим приемом, усиливающим эмоциональную оценку правовой ситуации, разрешённой судом вопреки позиции ее инициаторов.

Каких-либо доказательств того, что данное слово использовано для характеристики лиц, обратившихся с правовыми требованиями к доверителю адвоката Д. – К., именно как страдающих психическими расстройствами, заявителями не представлено, и для такого вывода нет оснований. Кроме того, вопреки доводам заявителей, указанное выражение не было сопровождено прямым указанием на «самого истца и адвокатов, представляющих его интересы», то есть, на конкретное лицо (лиц).

Что касается использования выражений «наглые претензии», «юридическая девственность», «не пахло, а воняло», то они не содержат каких-либо признаков, которые могли бы свидетельствовать о недопустимости их использования адвокатом в интервью. Эти выражения эмоционально окрашены, составлены с использованием приемов явного и намеренного преувеличения (усиления). Использование таких приемов имеет своей целью подчеркивание сказанного, усиление его выразительности, что не только допустимо, но и рекомендовано в методической литературе для отдельных ситуаций в ходе публичных выступлений адвокатов (См., например, «Адвокат: навыки профессионального мастерства» (под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой). М.: Волтерс Клувер, 2006).

Совет считает необходимым изменить мотивировку одного из выводов Квалификационной комиссии, соглашаясь с этим выводом по существу.

Так, адвокат Д. последовательно утверждает, что считает действия своих процессуальных оппонентов, в том числе адвоката Т., направленные на требование у его доверителя К. денежных средств, уголовно наказуемым вымогательством, и эта его оценка выражена, в том числе, в поданном им заявлении о преступлении, а принятое по данному заявлению процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела он считает необоснованным и намерен продолжать добиваться возбуждения уголовного дела. Изложенная позиция адвоката Д. не опровергнута материалами дисциплинарного производства, в связи с чем Совет полагает, что у Квалификационной комиссии не было оснований приводить иную мотивировку по данному вопросу при оценке соответствующих высказываний адвоката Д.. Поэтому Совет не может согласиться с мнением Комиссии, высказанным ею в Заключении, о том, что слово «вымогательство» было публично произнесено адвокатом Д. указанном контексте не в юридическом, а в общеупотребительном (бытовом) значении, и в силу этого не может рассматриваться как обвинение в преступных действиях. Совет отклоняет эту мотивировку, приведённую Комиссией, как не основанную на установленных ею фактических обстоятельствах. Вместе с тем, Совет признаёт, что высказывания адвоката Д., содержащие его личную профессиональную оценку действий его процессуальных оппонентов как уголовно наказуемого вымогательства, не образуют дисциплинарного нарушения, поскольку они представляют собой мнение, выраженное им при осуществлении профессиональной деятельности, и приговором суда не была установлена виновность адвоката Д. в преступном действии (бездействии). В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и вопреки мнению адвоката Т. и его представителя, за такое выражение мнения адвокат не может быть привлечён к какой-либо ответственности. Кроме того, анализируемые высказывания не были сделаны адвокатом Д. в неприличной (неуважительной) форме, не соответствующей стилю делового общения адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признаёт дисциплинарные обвинения в использовании адвокатом Д. всех перечисленных выше выражений необоснованными, а презумпцию добросовестности адвоката Д. в указанной части – неопровергнутой.

Переходя к анализу допустимости использования выражения «...профекаливают абсолютно все, за что берутся...», Совет отмечает следующее. Несмотря на отсутствие этого слова в общераспространённых словарях русского языка, для носителя языка очевидно, что словообразующим для глагола «профекалить» («профекалить», «профекаливают») является существительное «фекалии», означающее «кал», «экскременты», «испражнения». Таким образом, глагол «профекаливают» в

контексте сделанного Д. высказывания вне разумных сомнений употреблен им как синоним общеизвестного жаргонизма «просирают» (у которого, в свою очередь, имеется общеизвестный ненормативный синоним «про.....ют»), в значении «проигрывают».

Как указано выше, адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие авторитет адвокатуры. Поэтому использование адвокатом в публичных выступлениях, в том числе, в интервью, жаргонизмов должно осуществляться с большой осторожностью, с соблюдением конституционного принципа, согласно которому «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ).

То обстоятельство, что адвокат Д. употребил в интервью именно это слово – хотя и необычное, но не вызывающее сомнений ни в его значении, ни в его крайне негативной коннотации, ни в его явном несоответствии стилю делового общения адвоката (вопреки мнению представителя адвоката Д. – адвоката Б.), свидетельствует о проявленной адвокатом Д. особой изощрённости в реализации своего стремления унижительно высказаться в отношении процессуальных оппонентов.

Использование адвокатом Д. глагола «профекаливают» в отсутствие персонализации лиц, по отношению к которым это слово было высказано («адвокаты французской стороны»), а также позиция адвоката Д., согласно которой это высказывание «было сделано не в отношении адвоката Т. и адвоката А., а в отношении третьих лиц» (письменное объяснение, вх. № ... от 29.01.2018), не меняет приведённой выше его оценки как жаргонизма, не соответствующего стилю делового общения. В другом письменном объяснении (вх. № ... от 17.04.2018) адвокат Д. уточнил, что, высказывая данную фразу, имел в виду юристов французских авторов, не назвав их персонально. Учитывая, что в ходе дисциплинарного производства не представилось возможным достоверно установить конкретных лиц, в отношении которых была произнесена рассматриваемая фраза, и, соответственно, наличие или отсутствие у этих лиц статуса адвоката, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что действия адвоката Д., выразившиеся в произнесении в интервью приведённого выше высказывания, подлежат квалификации как нарушение требований п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката в части обязанности адвоката придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению, а не как нарушение требований п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, относящихся к поведению адвоката в отношении других адвокатов.

В отличие от проанализированного выше высказывания адвоката Д., в его следующем выражении: «...К нему, на мой взгляд, пришел господин Т., которому нейметя после его последних нападков на господина К., и сказал, «Ну, давай еще потявкаем»,»,- содержится прямая персонализация адвоката Т.,

предположительное суждение о действиях и словах которого было высказано адвокатом Д..

Несмотря на то, что данная фраза была высказана адвокатом Д. в форме предположения, она подлежит оценке на соответствие указанным выше требованиям, предъявляемым Кодексом профессиональной этики адвоката к публичным высказываниям адвоката.

Как уже было отмечено выше, адвокат вправе высказывать свое мнение, в том числе, в форме предположения, о событиях, которые имели или должны были иметь место. Вне зависимости от прогностического (предположительного) характера высказанного мнения, на форму его выражения распространяются общие требования об уважении прав, чести и достоинства других адвокатов, о деловой манере общения. Это означает, что адвокат Д. бесспорно имел право публично высказать свои предположения относительно инициативы адвоката Т. в возбуждении процедуры рассмотрения правового спора, и такая инициатива сама по себе, вопреки мнению заявителей, не могла бы рассматриваться как навязывание адвокатом своей помощи третьим лицам. П. 6 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката запрещает адвокатам «навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами». В анализируемом высказывании адвоката Д. отсутствуют какие-либо данные о том, что его предположение об инициировании адвокатом Т. возбуждения процедуры рассмотрения правового спора основывалось на убеждении в использовании указанных недостойных методов.

Вместе с тем, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и признаёт неуважительным по отношению к коллеге высказывание адвоката Д., характеризующее форму обращения адвоката Т. к «истцу», в виде предложения: *«Ну, давай еще потявкаем»*. Совет отмечает, что глагол «тявкать» относится к описанию действий собак (лис) и обозначает «отрывисто лаять» (Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ». 1992). В «Новом словаре русского языка» указывается на несколько значений этого глагола – «отрывисто лаять» или «издавать звуки, похожие на отрывистый лай» (разговорное употребление), и «ворчать, браниться» в переносном разговорно-сниженном значении (Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 // <https://www.efremova.info>). Употребление адвокатом выражений, в которых коллеге приписываются действия, характерные для животных, или, как в данном случае, происходит уничижительное сравнение с поведением животных, недопустимо, поскольку является проявлением явного неуважения к коллеге путём использования выражения, умаляющего его честь и достоинство.

Совет отклоняет как несостоятельный довод представителя адвоката Д. – адвоката Б. об ироническом и иносказательном, наподобие используемого в

баснях, значении слова «тявкать», в котором его якобы употребил адвокат Д.. Совет отмечает, что предложенная адвокатом Б. аналогия с басней И.А. Крылова «Слон и Моська» не подтверждает, а опровергает данный довод, поскольку наглядно демонстрирует отсутствие какой-либо иносказательности в анализируемом высказывании адвоката Д., в котором, в отличие от басни, речь идёт о людях, которым в их профессиональной деятельности приписывается поведение животных. Не усматривает Совет в рассматриваемом высказывании адвоката Д. и признаков «интеллектуальной издёвки», поскольку такая издёвка, во-первых, не должна высказываться в неуважительной форме, а во-вторых, предполагает наличие интеллектуальной составляющей, каковой составляющей в употреблении слова «потявкаем» не усматривается.

Поэтому, как и в случае с глаголом «профекаливают», Совет оценивает употребление адвокатом Д. глагола «потявкаем» как его сознательный выбор, свидетельствующий о проявленной им особой изощрённости в реализации стремления публично продемонстрировать откровенно неуважительное, уничижительное отношение к другому адвокату.

Совет также отклоняет как несостоятельный довод представителя адвоката Д. – адвоката Б. о якобы обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части, касающейся данного дисциплинарного обвинения, в связи с тем, что в жалобе заявителей было указано слово «повякаем», а в результате дисциплинарного производства установлено, что в действительности было произнесено не это слово, а слово «потявкаем». Совет обращает внимание адвоката Б., что это уточнение дисциплинарного обвинения внесено в ходе дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии именно по его ходатайству, заявители с этим уточнением согласились, и оно никак не свидетельствует об утрате допустимого повода, равно как и о выходе за пределы предмета жалобы.

Завершая оценку доводов дисциплинарных обвинений, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что явно неуважительными, оскорбительными и недопустимыми с этической точки зрения являются используемые для характеристики лица и его поведения слова и выражения, обращенные к интимной сфере взаимоотношений, содержащие сальные намёки и вульгарные сравнения с физиологическими процессами. Подобные высказывания обычно относятся к пошлым, а вовсе не к ироничным. Поэтому очевидно, что публично высказанное адвокатом Д. предположение о наличии у адвоката Т. «...эрекции на мою машину», гомосексуальных наклонностей («...что в меня влюбился и почему в меня влюбился, собственно, однополая любовь, господин Т.»), а также сравнение адвоката Т. с одной из главных героинь эротического романа «Пятьдесят оттенков серого» и одноимённого фильма, в которых раскрываются сексуальные садомазохистские взаимоотношения между половыми партнерами, имеет своей целью продемонстрировать предельно

отрицательную, уничижительную оценку личности адресата высказывания, подчеркнуть его неполноценность, ущербность в глазах говорящего и возбудить такое же отношение к нему у аудитории. Совет признаёт, что приведенные выше выражения адвоката Д. умаляют честь и достоинство адвоката Т. и явно не соответствуют требованиям о необходимости построения отношений с другими адвокатами на основе взаимного уважения. При этом у Совета, как и в отношении двух ранее проанализированных выражений адвоката Д., отсутствуют какие-либо разумные сомнения в сознательном выборе адвокатом Д. именно таких слов и высказываний для публичной демонстрации откровенно неуважительного, уничижительного отношения к другому адвокату.

К такому выводу Совет приходит как в результате приведённого анализа всех трёх рассматриваемых высказываний, так и с учётом большого опыта и разнообразной практики публичных выступлений адвоката Д., позволяющих ему свободно и непринуждённо вести себя при общении с журналистами и выбирать наиболее подходящие, по его мнению, слова из обширного словарного запаса.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. в отношении приведённых выше трёх высказываний опровергнутой, а его умышленную вину в совершении указанных дисциплинарных нарушений полностью установленной.

Совет отклоняет как явно несостоятельный довод представителя адвоката Д. - адвоката Б. об истечении шестимесячного срока применения мер дисциплинарной ответственности, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку этот срок исчисляется с момента обнаружения проступка органами адвокатского самоуправления (а не «обиженной стороной», как ошибочно полагает адвокат Б.). Первая из жалоб заявителей, явившаяся поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства, поступила в Адвокатскую палату гор. Москвы 18 января 2018 года. Соответственно, на момент рассмотрения Советом дисциплинарного дела указанный срок не истёк.

Вместе с тем, согласно п. 8 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, довод жалобы заявителей об участии адвоката Д. в негласном оперативно-розыскном мероприятии 29.11.2016 не может быть предметом проверки в настоящем дисциплинарном производстве с вынесением Квалификационной комиссией заключения по существу, поскольку на момент возбуждения дисциплинарного производства истёк предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности, который в период совершения адвокатом Д. указанных действий составлял один год с момента совершения проступка.

Совет также не может согласиться с мнением представителя адвоката Д. - адвоката Б. о малозначительности совершённых адвокатом Д.

дисциплинарных нарушений по основаниям, указанным ниже при обосновании избранной меры дисциплинарной ответственности.

Определяя, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершённые им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их неоднократность, изощённо-грубый и умышленный характер, что свидетельствует о намеренном и устойчивом игнорировании адвокатом Д. требований профессиональной этики об уважительном отношении к другим адвокатам и соблюдении делового стиля общения. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее к адвокату Д. меры дисциплинарной ответственности не применялись, а также то, что он выразил сожаление в связи со своим публичным поведением, оскорбившим заявителей, и письменно заверил Совет в искренности этих своих сожалений. При таких обстоятельствах Совет большинством голосов полагает возможным применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как наиболее соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

РЕШИЛ:

1. За нарушение:

- п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), что выразилось в употреблении им 23 ноября 2017 года в ходе дачи интервью выражения, имеющего схожее лексическое значение со словом-жаргонизмом, а именно: «...«**профекаливают**» абсолютно всё, за что берутся...», опубликованном впоследствии на личной странице Д. в социальной сети «Фейсбук»;

- п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения», «адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката»), что выразилось в употреблении им в ходе дачи интервью в программе «...», вышедшей в эфир на телеканале «НТВ» ... января 2018 года, выражения, в котором происходит уничижительное сравнение поведения адвоката Т. с

поведением животных, а именно: *«...К нему, на мой взгляд, пришел господин Т., которому нейметя после его последних нападок на господина К., и сказал, «Ну, давай еще потявваем»;*

- п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения», «адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката»), что выразилось в употреблении им в ходе дачи интервью в выпуске новостей на телеканале «НТВ», вышедшем в эфир ... апреля 2018 года и размещенным в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», для характеристики личности адвоката Т. выражений, обращенных к интимной сфере взаимоотношений, включающих вульгарные сравнения с физиологическими процессами, происходящими в человеческом организме, а именно: о наличии у адвоката Т. *«...эрекции на мою машину»*, гомосексуальных наклонностей (*«...что в меня влюбился и почему в меня влюбился, собственно, однополая любовь, господин Т.»*), а также сравнение адвоката Т. с одним из главных героев (женщиной) в эротическом фильме «Пятьдесят оттенков серого», в котором раскрываются гетеросексуальные садомазохистские взаимоотношения между половыми партнерами, -

применить к адвокату Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по жалобам: адвокатов Т. и А. от 17 января 2018 года (вх. № ... от 18.01.2018), адвоката Т. от 05 февраля 2018 года (вх. № ... от 05.02.2018), адвокатов Т. и А. от 12 апреля 2018 года (вх. № ... от 12.04.2018), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент

Адвокатской палаты г. Москвы

И.А. Поляков